

НИМАЕВА Эржена Зориктоевна, аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова. Автор 8 научных публикаций
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3505-0895>*

ПРЕДИКАТИВНЫЙ СИНТАКСИС: НОРМА И ДЕВИАНТНОСТЬ СПОНТАННОЙ РЕЧИ (на материале бурятского языка)

Проблема би- и полилингвизма требует от современной науки более тщательного исследования, особенно в ситуации, когда один из языков имеет статус миноритарного, как, например, бурятский. Междисциплинарное изучение данной проблемы может помочь пониманию не только вопросов о механизме речеобразования, но и вопросов сохранения языка. Цель данной работы состоит в установлении взаимоотношений между кодами интерязыка в аспекте влияния русского языка на позицию предиката-сказуемого в устной речи бурятско-русских и русско-бурятских билингвов, с одной стороны, и в попытке освещения взаимоотношений между внутренним и внешним синтаксисом интраязыка, с другой (в чем также заключается новизна исследования). Материалом исследования послужили транскрипты фрагментов устного дискурса на бурятском языке билингвов бурятской и русской национальностей из телепередач «Дуунай зам» и «Толи-Шууд». Методология исследования предполагала три этапа: 1) теоретическое обоснование проблемы; 2) описание порядка слов в бурятском и русском языках; 3) синтаксический дискурс-анализ материалов исследования в аспекте функционирования предиката-сказуемого. Согласно результатам анализа, свободный порядок слов в русском языке оказывает влияние на позицию предиката-сказуемого в речи на бурятском языке русско-бурятских билингвов. Также был подтвержден принцип когнитивной модели репрезентации грамматических знаний, основанной на употреблении (usage-based model), согласно которому важную роль в закреплении грамматических знаний играет частотность употребления грамматических форм и структур. Проведенное исследование вносит вклад в освещение девиантного синтаксиса (со сменой пропозиции), вызванного рас-согласованием между довербальным и вербальным синтаксисом билингва.

Ключевые слова: бурятско-русский билингвизм, русско-бурятский билингвизм, бурятский язык, синтаксис, предикат, норма, девиантность.

*Адрес: 670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а; e-mail: nimaeva.erzhena@mail.ru

Для цитирования: Нимаева Э.З. Предикативный синтаксис: норма и девиантность спонтанной речи (на материале бурятского языка) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 6. С. 38–46. DOI: 10.37482/2687-1505-V224

Введение

На современном этапе лингвистических исследований интерес к теме устной речи билингов не спадает по следующим причинам: 1) би- и полилингвизм как социолингвистическое явление в век высокого уровня географической мобильности и, следовательно, тесных и длительных языковых контактов получает реальную актуализацию в широком масштабе; 2) с одной стороны, устная речь в аспекте ее порождения и восприятия изучена по сравнению с письменной гораздо слабее, с другой, виды дискурсивных маркеров и частотность их использования постоянно видоизменяются.

При этом в наименьшей степени исследован синтаксис билинга с точки зрения потенциала взаимовлияния контактирующих языков. Данная работа посвящена именно указанной теме. На примере синтаксиса устной речи бурятско-русских и русско-бурятских билингов проблема синтаксического взаимовлияния данных кодов ранее не рассматривалась. В реализации поставленной цели – определение возможного влияния кода русского языка на конструирование речи на бурятском языке у бурятско-русских и русско-бурятских билингов – мы сузили рассмотрение синтаксиса до предиката-сказуемого. Объектом исследования послужили неподготовленные устные высказывания на бурятском языке двух разрядов билингов.

Обзор литературы, использованной в качестве теоретической базы

Согласно заданному в заглавии модулю наше исследование затрагивает различные сферы лингвистики: виды билингвизма, порождение и восприятие устной речи, формальный и семантический, внешний и внутренний синтаксис.

Теоретической базой данной работы послужили 4 группы источников: 1) бурятско-русский билингвизм и функционирование бурятского языка: П.П. Дашинимаева и др. «Бурятско-русский билингвизм: психолингвистический аспект» [1], Г.А. Дырхеева «Языковая ситуация в Республике Бурятия» [2]; 2) психолингвистический аспект устной речи: Л.В. Выготский «Мышление

и речь» [3], А.Р. Лурия «Язык и сознание» [4], А.А. Леонтьев «Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания» [5], Т.В. Ахутина «Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса» [6]; 3) синтаксис с позиций когнитивной лингвистики: William Croft, D. Alan Cruse «Cognitive Linguistics» [7]; 4) изучение устного дискурса: «Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса» под редакцией А.А. Кибрика и В.И. Подлесской [8].

В коллективной монографии П.П. Дашинимаевой и др. «Бурятско-русский билингвизм: психолингвистический аспект» представлены результаты тщательного исследования внешне- и внутриязыковых изменений бурятского языка в условиях двуязычия [1].

Напомним, классическое понимание синтаксиса языка заключается в том, что это «его синтаксический строй, совокупность синтаксических единиц, связей и отношений между ними, а также закономерности, регулирующие построение синтаксических конструкций» [9, с. 5].

Т.В. Ахутина в одной из глав монографии «Порождение речи: нейролингвистический анализ синтаксиса» рассматривает концепцию внутренней речи и проблему уровней синтаксиса у Л.С. Выготского, т. е. то, что касается уровня внутреннего синтаксиса [6]. Автор отмечает, что дифференциация функций речи (для других и для себя), по Выготскому, «приводит к разделению внешней и эгоцентрической речи», которая «к моменту перехода во внутреннюю в основном состоит из психологических сказуемых» ввиду «известности подлежащего, близости апперцепции» [6, с. 34, 36]. По мнению А.Р. Лурии, в процессе устного речепорождения средства кодирования мысли протекают «без осознания», следовательно, грамматическая структура устной внешней речи наиболее близка со структурой внутренней, что было выявлено Л.С. Выготским [4, с. 221]. Следует отметить, что внутренняя речь не есть внутреннее проговаривание («скрытая физиологическая активность органов артикуляции, возникающая в определенных случаях и имитирующая в большей или

меньшей степени процессы, происходящие при реальном говорении») [5, с. 157].

William Croft, D. Alan Cruse в одной из глав описывают когнитивный подход к синтаксису, именуемый ими конструктивной грамматикой (construction grammar), в рамках которой выдвигается модель, основанная на употреблении (usage-based model), согласно ей репрезентацию грамматического знания детерминируют не только сама структура или правила, как это утверждается в структуралистской и генеративной моделях, но и такие свойства употребления, как частотность отдельных грамматических форм и структур и значение слов и конструкций в использовании [7, с. 291, 292].

Логично, что сегодня синтаксис получает освещение и в дискурсологии. А.А. Кибрик и В.И. Подлеская, понимая под дискурсом «речь, языковую коммуникацию», отмечают, что «дискурс порождается не в виде плавного потока, а определенными квантами», которые именуются ими элементарными дискурсивными единицами [8, с. 26].

Исходя из сказанного и на основе наших наблюдений, в качестве исходных точек исследования мы принимаем следующие постулаты:

1. Уровень внутреннего синтаксиса характеризуется довербальной предикативностью и когнитивным взаимодействием с номинативными механизмами. Данные признаки обуславливают первичные паттерны внешнего синтаксиса.

2. Внешний синтаксис в целом детерминруется структурным строем и правилами языка, также – частотностью употребления отдельных конструкций, динамикой их семантики, варьирующейся между нормой и не-нормой, правилами речевой коллокации.

3. Функциональное взаимодействие внутреннего и внешнего синтаксиса может носить несимметричный характер, тем самым отражая сложности, возникающие в речепорождении.

Основная часть (методология, результаты)

Пункт 3 требует детального описания на конкретном материале.

Бурятский язык, как и русский, является государственным на территории Республики

Бурятия, но вследствие существенных перекосов в национально-языковой жизни страны в 1930–1980-е годы он утратил свои общественные функции, оставаясь «конкурентоспособным только в семейно-бытовой сфере» [2, с. 304]. Подобную социолингвистическую ситуацию можно наблюдать во многих регионах РФ, однако в нашем исследовании функциональная девиантность представляет интерес в рамках степени устойчивости именно предиката билингва. Так, для того чтобы выяснить, могут ли контактирующие бурятский и русский коды влиять на позицию предиката в устной речи билингва, на наш взгляд, следует: 1) обобщить практический материал и теоретически обосновать возможность взаимовлияния синтаксических структур кодов билингва с привлечением затронутых выше базовых теорий; 2) описать нормативный порядок слов в русском и бурятском языках; 3) провести дискурс-анализ функционирования предиката-сказуемого в устных дискурсах бурятско-русских и русско-бурятских билингвов.

Прежде чем перейти к дискурс-анализу в аспекте предиката в устной речи, напомним, что сказано о функциональном механизме бурятско-русского кода в устной речи билингвов. Как отмечено П.П. Дашинимаевой и др. [1], индикатором функционально-отрицательного когнитивного взаимодействия языков является переключение кодов, т. е. взаимодействие и взаимовлияние языков на лексическом/семантическом уровне. Язык представляет собой систему, а под ней в широком смысле принято понимать «совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство», значит, изменения в одном элементе системы влекут за собой изменения в другом [10]. Так, языки билингва/полилингва, образуют большую систему с подсистемами – «интерязык», который в монографии П.П. Дашинимаевой и др. понимается «и как отношения между языками, и как надстандартная форма языка» [1, с. 33]. Следовательно, при научно описанном и доказанном взаимовлиянии языков билингва на семантическом/лексическом

уровне следует наблюдать принципиальную возможность такого взаимовлияния и на синтаксическом уровне.

Русский язык характеризуется как прямым (фиксированным), так и инверсированным (свободным) типами порядка слов [9, с. 28]. Бурятский литературный язык и диалекты – строго фиксированным: «в простом предложении предикат со всеми относящимися к нему частицами располагается в самом конце, субъект предшествует ему» [11, с. 8, 9].

Материал для исследования «синтаксического поведения» предиката-сказуемого взят из бурятского медиапространства и представляет собой фрагменты интервью, которые назовем дискурс-фрагментами (ДФ): ДФ 1, 2 звучали в телепередаче «Дуунай зам»¹; ДФ 3, 4 – в телепередаче «Толи-Шууд»². Отметим, что на основе биографических данных и беглости речи мы разделили билингов на бурятско-русских и русско-бурятских по критерию «степень функциональной активности языка»: в ДФ 1 это преподаватель бурятского языка³, в ДФ 2 – певица бурятской эстрады, композитор, преподаватель музыкального колледжа⁴, ДФ 3: говорящая освоила бурятский язык раньше русского в детском саду, выросла и живет в бурятской деревне⁵, в ДФ 4 говорящий овладел бурятским языком в школе и в общении с бурятами в детских играх⁶.

В дискурс-анализе представлены транскрипты, выполненные с опорой на общие принципы транскрибирования А.А. Кибрика и В.И. Подлесской и при помощи программы Speech Analyzer [6]. Элементарные дискурсивные единицы записаны и пронумерованы как отдельные строки (согласно системе транскрибирования А.А. Киб-

рика и В.И. Подлесской). Используются следующие транскрипционные обозначения: 1) ..(0.1),(1.0) – абсолютные паузы (длительность в секундах); 2) мм(0.3), ээ(0.6) – заполненные паузы (длительность в секундах); 3) / – акцент с восходящим тоном; 4) \ – акцент с нисходящим тоном; 5) {ВЗДОХ} и т. п. – неречевые звуки, производимые говорящим.

Иллюстрации позиции предиката-сказуемого далее расположены по степени убывания нормативности – от конечной позиции к ее отсутствию или перемещению в другую позицию. Сказуемые-предикаты подчеркнуты двойной чертой, синтаксические отклонения выделены жирным шрифтом, вербальные хезитативы – курсивом.

ДФ 1. А – бурятско-русский билингв, бурят; Б – собеседник.

А: Шагнаад үзэхэдэ ..(0.1), би буряад дуунуудые, арадай дуунуудые шагнадагби. Ондоо дуу балай шагнаха дурам хүрэдэг үгы.

Б: Эстрада шагнадаг үгы гүт таа? Аа. Арадай ямар дуунуудые [шагнанат]?

А:
Арадай дуу хаа, *теэ*,
«Нэръялгын дуун», «Алтаргана», «Наян наваа»,
«Амаршалгын дуун», *агаа*, Сэ-Сэрэн, Хо..(0.1)
Сэрэн Хоборковай \дуулахан,
тэрээнил ехэ шагнаха дуратай /байна би.
Тиигээд, ээ(0.2) шагнаад /үзэхэдэ, ..(0.4)
арадай дуу иимэ \уянгалиг байдаг, *агаа*.
Аа(0.3) эстрадын дуу, би эстрадын дуу шагнажа \
үзөөшхаяа,
тиигээд, тэрэ {ВДОХ} буряад дуунай маяг ..(0.5)
балай дуулданагүй.
..(0.4) Энэ ямар ушарһаа,
юунһээ боложо тиимэ байнаб?
Узуально-нормативный перевод:

¹Дуунай зам. URL: <http://tvatv.ru/video/143/352214/> (дата обращения: 13.08.2022).

²Толи-Шууд. URL: <https://ok.ru/video/731775832374> (дата обращения: 13.08.2022).

³Национальная библиотека Республики Бурятия. Новости. URL: <http://nbrb.ru/?p=69449> (дата обращения: 20.08.2022).

⁴Краеведческий портал. Дулма Сунрапова. URL: <http://selorodnoe.ru/vid/show/id3676777/> (дата обращения: 20.08.2022).

⁵Толи-Шууд...

⁶Толи-Шууд...

А: Если послушать, я бурятские песни, народные песни слушаю. Другие песни мне не хочется слушать.

Б: Эстраду не слушаете? Аа. А какие народные песни [вы слушаете]?

А: Если народные песни, так, то «Нэръялгын дуун», «Алтаргана», «Наян нава», «Амаршалгын дуун», ага (да), которую пел Цы-Цырен, Хо-Цырен Хоборков, эту песню я очень люблю слушать. А, ээ, если послушать народную песню, то она бывает такой мелодичной, ага (да). Аа, эстрадная песня, если я и слушал эстрадную песню, то в ней черты бурятской песни совсем не слышны. По какой причине, почему так?

ДФ 1 представляет собой чередование синтаксиса вопросительных и утвердительных высказываний, где наблюдается нормативная для бурятского языка позиция предиката-сказуемого в конце сложного предложения или простого в составе сложного. Кроме того, отсутствуют грамматические ошибки и трудности с извлечением единиц из ментального лексикона, поэтому мы можем говорить о том, что здесь влияние русского кода на бурятский в речи не наблюдается.

ДФ 2. А – собеседник; Б – бурятско-русский/русско-бурятский билингв, бурят.

А: Оюутада олон гү?

Б:

/Оюутада, ааа(0.6), /заримдаа \олон байдаг,

заримдаа \үсөөн болошдог.

Тиигээд, аа(0.3) бидэ, аамм(0.9),

бюджетнэ местэ жэл бүри /байдаг үгы,

нэгэ жэлээр иигээд \хэлгэлсэлдэг.

Тиигээд, эээ(0.6), бюджетнэ местын би болохоодо,

/олон оюутада \би болошохо,

тиигээд нүгөө жэлын коммерческэ болохоодо,

\үсөөн болошхоо һанадаг.

Тиигээд, аа(0.2) ороһон оюутадаһни,

аа(0.4) эхинһээн адаг хүрэтэр, ааа(0.6) һураха

гэжэ

баһа \хүндэ асуудал,

зарьминин, тиигээд, \хаяад ябашаха,

аа(0.5), үгы хадаа, боломжо үгы болоод, {ахах}

һургуулиһаа \гарашадаг.

Узуально-нормативный перевод:

А: Много ли студентов?

Б: Студенты, ааа, иногда их много бывает, иногда их становится мало. Таким образом, аа мы, аамм,

бюджетные места каждый год не бывают, места через год чередуются. Так, ээ, когда бюджетные места появляются, много студентов появляется, а когда на следующий год места становятся коммерческими, студентов становится меньше. Так, аа поступившие студенты, аа от начала до конца, ааа учиться является сложным вопросом, некоторые, так, берут и бросают, аа, а если нет, то бывает, по обстоятельствам из вуза уходят.

ДФ 2 представляет собой развернутый ответ на вопрос собеседника. Здесь, как и в первом, почти во всех случаях наблюдается нормативная позиция предиката-сказуемого в конце предложения. Однако мы видим в высказывании один случай грамматической рассогласованности между частями предложения, когда субъект предложения употреблен в именительном падеже «оюутадаһни» (досл. ‘студенты’) вместо дательного-местного «оюутадаг» (досл. ‘для студентов’): «*Тиигээд, ороһон оюутадаһни* (досл. ‘Так, поступившие студенты’), эхинһээн адаг хүрэтэр һураха гэжэ баһа хүндэ асуудал (досл. ‘учиться от начала до конца тоже сложный вопрос’)...». Данная рассогласованность обусловлена сменой сценария высказывания в процессе речепорождения: говорящий явно понимает, что не сможет подобрать лексему для оформления конечного предиката по заданной логике. Подобный случай иллюстрирует механизм предикативного управления реализацией коммуникативной задачи, с одной стороны, и подтверждает тезис о взаимовлиянии подсистем интраязыка билингва, вызванном функциональным ослаблением того или иного элемента лексики, что ведет к перестройке синтаксиса первичного дискурса, с другой. Все это, в свою очередь, подтверждает идеи психолингвистов и когнитологов о формировании пропозиции на уровне довербального синтаксиса. На данном этапе предлагается назвать описанный случай «девиантный синтаксис со сменой пропозиции» (ДССП).

Нельзя не заметить частое употребление наречия «тиигээд» (досл. ‘так’), используемого для реализации текстовой функции когерентности, что также, на наш взгляд, вместе с хезитациями выполняет функцию звукового за-

полнения дискурса во время поиска релевантных лексических единиц и грамматических структур.

Таким образом, с одной стороны, мы наблюдаем нормативную позицию предиката-сказуемого в целом, с другой, когнитивные усилия по извлечению лексических единиц, на что указывают смена сценария высказывания и частые гезитации. Следовательно, представляется затруднительным с уверенностью отнести данного билингва к одному из типов: можно предположить, что он пребывает в промежуточном статусе перехода из бурятско-русского в русско-бурятский билингвизм.

ДФ 3. А – собеседник; Б – бурятско-русский билингв русской национальности.

А: Тиимэ ушарнууд болодог гү? Наташа, та?

Б:

Намда-а (отсутствие предиката-сказуемого), магазин ороод байхадамни,

хоёр залуу хүбүүдүүд, буряад хүбүүдүүд байхадань,

би, теэ, удаан, хамган /хүн /хадаа,

удаан юумэ абажал, абажал \байна би ..(0.3),

орынгөө юумэ,

/«Энээни абахаб, /тэрээни абахаб» \гээд лэ байхалам,

тэдэ хоёр залуу хүбүүдүүд эсэжэ-ядажа /байгаадла,

хэлэнэ хойноһоомни: «Үгы, ямар хашартай хамган юм бэ,

ямар удаан юумэ абажал-абажал байнаб, нээрээ, хүрөө болодог үгы /юм гү, томо /очередь байхадань?».

Би, теэд, хойшоо хараад лэ (отсутствие предиката-сказуемого)

«/Эсэжэ \ядаагта, \хүлээжэ?

/Нэгэ жаа хүлээхэдэтай \яхайм бэ? Залуу хадаа, \хүбүүдүүд?».

Тэдэ хоёрмни улайгаад, сайгаад,

гараад лэ ябаа магазинһаа. /И все!

Узуально-нормативный перевод:

А: Происходят такие случаи? Наташа, вы?

Б: У меня, когда я в магазине была, два молодых человека, при том, что они бурятской национальности были, я, так (да), долго, так как женщина, долго покупаю и покупаю, **свое**,

«Я это куплю, я то куплю» все повторяла, те молодые люди, устав ждать, **говорят** за моей спиной: «Какая же надоедливая женщина, как долго она покупает и покупает, она не может остановиться, в самом деле, когда большая очередь?». Я, так, обернувшись: «Вы устали, замучались ...ждать? Нельзя немного подождать? Вы ведь молодые, парни?». Они, покраснев-побледнев, ушли из магазина. И все!

Как видно, в ДФ 3 наблюдается больше синтаксически-девиантных случаев, однако они не указывают на функциональный регресс бурятского кода субъекта. В первой строке ДФ мы видим случай контекстуального отсутствия предиката (Намда-а тиимэ ушар (ушарнууд) байгаа (болодог), досл. ‘У меня такой случай (случай) был (бывают)’), обусловленного отсутствием необходимости озвучивать тему и желанием сразу приступить к описанию ремы. Ненормативная позиция предиката наблюдается в двух случаях, однако они не представляют смену сценария высказывания, как в предыдущем ДССП: 1) употребление предиката-сказуемого в позиции, предшествующей дополнению: «удаан юумэ абажал, абажал байнаби, оорынгөө юумэ», 2) употребление предиката-сказуемого в позиции, предшествующей обстоятельству места: «хэлэнэ хойноһоомни (досл. ‘говорят сзади / за спиной’)». Данные *препозиции* предиката: можно объяснить функцией эмфазы. Также имеется контекстуальное отсутствие предиката в строке 10 ДФ: адресату понятно из контекста, что говорящая, обернувшись, обратилась к юношам. Кроме того, в данном примере мы наблюдаем случай смешения кодов, когда дискурс на бурятском языке завершается предложением на русском «И все!». Стоит отметить отсутствие длительных пауз и гезитаций, что в целом говорит об отсутствии затруднений в извлечении лексических единиц из ментального лексикона.

ДФ 4. А – собеседник; Б – русско-бурятский билингв русской национальности.

Б:

Тиигээд, ээ(0.1) би колледжроо /ороходээрэ,

а, мм(0.1), хэдүүд, одногруппнигуудмни ..(0.1) намай /хараад,

«Ямар ород томо хүбүүн» гэжэ (отсутствие предиката-сказуемого), но, намай...

А: Ямар утаб юм бэ.

Б:

Но, обсуждалажа байхадарань,

битнай, ну, ..(0.2) /юумэ дуугараа угыб, тиигээд,

..(0.3) нэгэ жаа болоод

өөрынгөө /багшатаая ..(0.3) \бурыадаар хөөрэлдэжэ байхадарамни ..(0.9),

хэн, aa(0.3), тэрэ хүн хараад намай:

«..(0.9) Ши, юун, че, по-бурятски разговаривашь?» гэжэ (отсутствие предиката-сказуемого).

«Но, дугардаг».

«О, би не знал» гэжэжэ (отсутствие предиката-сказуемого).

Тиигээд /улайшод \тоже гарашна.

Узуально-нормативный перевод:

Б: Так, ээ когда я в колледж поступил, а, мм, эти, одноклассники, меня увидев, «Какой большой русский мальчик» (отсутствие предиката) но, меня...

А: Какой длинный.

Б: Но, когда они обсуждали, я, ну, ничего не ответил, так, затем, когда со своим преподавателем на бурятском языке разговаривал, кто, aa, тот человек, посмотрев на меня: «Ты, что, че, по-бурятски говоришь?» (отсутствие предиката). «Да, говорю». «О, я не знал» (отсутствие предиката). Так, тоже покраснев, вышел.

В ДФ 4 говорящий так же, как и в ДФ 3, повествует о произошедшем с ним случае. Кроме гезитаций здесь очевидно частое употребление наречия «ттигээд» и слова «гэжэ». Последнее может являться: 1) неверно употребленным деепричастием «гэжэ» после передачи прямой речи вместо глагола «гэхэ» (который обычно переводится инфинитивом «говорить») в прошедшем времени «гээ» (говорил, сказал); 2) союзом «гэжэ», употребляемым обычно для связи придаточного дополнительного предложения (главным образом в косвенной речи) со сказуемым главного, в данном случае употребленным без глагола-сказуемого («...» гэжэ хэлээ, «...» так сказал.). Другими словами, в рассматриваемом примере мы можем говорить либо о грамматически неправильном употреблении предиката-сказуемого, либо об отсутствии предиката-сказуемого. Если истинно последнее, в целом наблюдаются 4 отсутствия

предиката, что говорит о фрагментарности дискурсо-строений, вызванной, прежде всего, несоблюдением базовых синтаксических норм.

Таким образом, нормативная в бурятском языке позиция предиката в конце предложения наблюдается в ДФ 1, почти нормативная – в ДФ 3. В обоих случаях не наблюдается затруднений с поиском лексем и грамматических структур, что присуще ДФ 2 и ДФ 4, где гезитации и частое употребление деепричастий «ттигээд» и «гэжэ» указывают на асимметричные отношения между внутренним и внешним синтаксисом. Следует отметить, что в ДФ 4 присутствует большая предикативно-синтаксическая нецелостность, что, на наш взгляд, можно объяснить низкой степенью активного функционирования бурятского языка у билингва.

Выводы и дальнейшие перспективы исследования

Результаты проведенного синтаксического анализа в аспекте предиката устных дискурсо-фрагментов на бурятском языке билингвов бурятской и русской национальностей позволяют сделать выводы о том, что: 1) степень взаимовлияния кодов языков билингва можно фиксировать на синтаксическом уровне; 2) в качестве базового индикатора степени взаимовлияния разных кодов билингва/полилингва можно рассматривать позицию предиката; 3) наибольшее влияние кода русского языка на позицию предиката в дискурсе на бурятском наблюдается у русско-бурятских билингвов, чаще говорящих на русском (данный вывод, в свою очередь, подтверждает принцип модели репрезентации грамматических знаний, основанной на употреблении (usage-based model), где частотность ряда грамматических форм и структур обуславливает соответствующие паттерны дискурса); 4) смена сценария высказывания в процессе речепорождения подтверждает тезис о предикативном управлении реализацией коммуникативной задачи и о взаимовлиянии подсистем интраязыка билингва, однако она может сигнализировать о функциональном ослаблении активной лексики билингва и возможном наступлении переходного статуса типа билингвизма субъекта.

Проведенное исследование синтаксиса в аспекте предиката свидетельствует о наличии перспектив изучения синтаксиса устной речи с точки зрения взаимовлияния кодов не

только билингов, но и полилингов. Другим возможным направлением является более детальное описание случая, названного нами ДССП.

Список литературы

1. Дашинимаева П.П., Дырхеева Г.А., Жалсанова Ж.Б., Хилханова Э.В. Бурятско-русский билингвизм: психолингвистический аспект. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 166 с.
2. Дырхеева Г.А. Языковая ситуация в Республике Бурятия // Мир Большого Алтая. 2018. Т. 4, № 2. С. 302–320. DOI: [10.31551/2410-2725-2018-4-2-302-320](https://doi.org/10.31551/2410-2725-2018-4-2-302-320)
3. Выготский Л.В. Мышление и речь. СПб.: Питер, 2021. 432 с.
4. Лурия А.Р. Язык и сознание. СПб.: Питер, 2019. 336 с.
5. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: КРАСАНД, 2020. 312 с.
6. Ахутина Т.В. Порождение речи: нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 218 с.
7. Croft W., Cruse D.A. *Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 356 p.
8. Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А.А. Кибрика, В.И. Подлесской. М.: Яз. славян. культур, 2009. 736 с.
9. Бабайцева В.В. Синтаксис русского языка: моногр. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2020. 576 с.
10. Садовский В.Н. Система // Большая рос. энцикл. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/3666383> (дата обращения: 13.08.2022).
11. Даржаева Н.Б., Цыренов Б.Д. Синтаксис бурятской разговорной речи: предварительный очерк // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14, № 2. С. 5–12.

References

1. Dashinimaeva P.P., Dyrkheeva G.A., Zhalsanova Zh.B., Khilkhanova E.V. *Buryatsko-russkiy bilingvizm: psikholingvisticheskiy aspekt* [Buryat-Russian Bilingualism: A Psycholinguistic Aspect]. Ulan-Ude, 2010. 166 p.
2. Dyrkheeva G.A. Yazykovaya situatsiya v Respublike Buryatiya [The Language Situation in Buryat Republic]. *Mir Bol'shogo Altaya*, 2018, vol. 4, no. 2, pp. 302–320. DOI: [10.31551/2410-2725-2018-4-2-302-320](https://doi.org/10.31551/2410-2725-2018-4-2-302-320)
3. Vygotsky L.V. *Myshlenie i rech'* [Thinking and Speech]. St. Petersburg, 2021. 432 p.
4. Luria A.R. *Yazyk i soznanie* [Language and Consciousness]. St. Petersburg, 2019. 336 p.
5. Leont'ev A.A. *Psikholingvisticheskie edinitiy i porozhdenie rechevogo vyskazyvaniya* [Psycholinguistic Units and Utterance Generation]. Moscow, 2020. 312 p.
6. Akhutina T.V. *Porozhdenie rechi: Neyrolingvisticheskiy analiz sintaksisa* [Speech Production: Neurolinguistic Syntax Analysis]. Moscow, 2019. 218 p.
7. Croft W., Cruse D.A. *Cognitive Linguistics*. Cambridge, 2005. 356 p.
8. Kibrik A.A., Podlesskaya V.I. (eds.). *Rasskazy o sновидeniyakh: korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Night Dream Stories: A Corpus Study of Spoken Russian Discourse]. Moscow, 2009. 736 p.
9. Babaytseva V.V. *Sintaksis russkogo yazyka* [Russian Syntax]. Moscow, 2020. 576 p.
10. Sadovskiy V.N. Sistema [System]. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopaedia]. Available at: <https://bigenc.ru/philosophy/text/3666383> (accessed: 13 August 2022) (in Russ.).
11. Darzhaeva N.B., Tsyrenov B.D. Sintaksis buryatskoy razgovornoy rechi: predvaritel'nyy ocherk [Syntax of the Buryat Spoken Language: A Preliminary Sketch]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2016, vol. 14, no. 2, pp. 5–12.

DOI: 10.37482/2687-1505-V224

Erzhena Z. Nimaeva

Buryat State University named after D. Banzarov;
ul. Smolina 24a, Ulan-Ude, 670000, Respublika Buryatiya, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3505-0895> e-mail: nimaeva.erzhena@mail.ru

PREDICATIVE SYNTAX: NORM AND DEVIANCE OF FREE SPEECH (Based on the Buryat Language)

Nowadays, the problem of bilingualism and polylingualism requires a more thorough and accurate study, especially in cases when one of the languages has the status of a minority language, such as the Buryat language. Interdisciplinary research into this field can help to understand not only the speech production mechanism, but also the issues of language preservation. The purpose of this paper was to, on the one hand, explicate the relationship between the interlanguage codes in the aspect of Russian influence on the position of the predicate in the spoken language of Buryat-Russian and Russian-Buryat bilinguals and, on the other hand, shed some light on the relationship between internal and external syntax. The latter constitutes the novelty of the research. As the material, the author used transcripts of spoken discourse in the Buryat language produced by Buryat and Russian bilinguals at the television shows *Duunei Zam* and *Toli-Shuud*. The research methodology included three stages: 1) theoretical substantiation of the problem; 2) description of the word order in the Buryat and Russian languages; 3) syntactic discourse analysis of the material in terms of predicate functioning. The analysis showed that the Russian free word order influences the predicate's position in the Buryat speech of Russian-Buryat bilinguals. The results confirmed the principle of the usage-based model of grammatical knowledge representation, according to which the frequency of the use of grammatical forms and structures plays an important role in solidifying grammatical knowledge. The paper contributes to the research into deviant syntax (with a change of proposition) due to a mismatch between bilinguals' preverbal and verbal syntax.

Keywords: *Buryat-Russian bilingualism, Russian-Buryat bilingualism, Buryat language, syntax, predicate, norm, deviance.*

Поступила 11.10.2022
Принята 10.12.2022
Опубликована 15.12.2022

Received 11 October 2022
Accepted 10 December 2022
Published 15 December 2022

For citation: Nimaeva E.Z. Predicative Syntax: Norm and Deviance of Free Speech (Based on the Buryat Language). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 6, pp. 38–46. DOI: 10.37482/2687-1505-V224